

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА В ЗАРУБЕЖНОЙ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ: ВЗГЛЯД ДИСКУРСОЛОГА

С. Л. Кушнерук, М. А. Курочкина

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия*

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «МГПИ им. М. Е. Евсевьева» по договору на выполнение НИР от 01.06.2020 г. № 16-298 по теме «Миромоделирование в англоязычном медиадискурсе на фоне вызовов времени: когнитивный, прагматический и идеологический аспекты».

Раскрываются возможности когнитивно-дискурсивного подхода к феномену информационно-психологической войны в американских медиа. Обосновано понятие дискурсивного мира, систематизированы концепты, формирующие когнитивный его остов. Охарактеризован миромоделирующий потенциал концепта DISINFORMATION по параметрам семиотической плотности, синтагматических связей имен, образно-оценочных репрезентаций, фактуальной информации. Результаты вносят вклад в развитие лингвистики информационно-психологической войны.

Ключевые слова: *информационно-психологическая война, информационная война, когнитивно-дискурсивный подход, миромоделирование, дискурсивный мир, медиалингвистика.*

Введение

Информационно-психологическая война опасна, как радиация. Ее воздействие незаметно, но эффект оказывается смертоносным. Проблема выработки мер противодействия внутренним и внешним информационным угрозам формирует одну из приоритетных государственных задач, поставленных президентом в указе об утверждении доктрины национальной безопасности [15]. В нем констатируется наращивание информационного влияния, направленного на «размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей», со стороны зарубежных медиа.

Понимание важности создания лингвистических основ защиты национальных интересов в информационной сфере стимулирует реакцию филологического сообщества на вызовы времени и обуславливает рост соответствующих научных публикаций [1; 6—8; 11—14; 18 и др.]. В ситуации тотальной медиатизации задача обеспечения информационной безопасности России, поставленная Президентом, является актуальной. Ее решение в рамках настоящего исследования видится как вклад в изучение языка информационно-психологического противостояния с учетом парадигмальной ситуации в современном языкознании. *Цель работы* — раскрыть

возможности когнитивно-дискурсивного подхода к исследованию информационно-психологической войны (ИПВ) как концептуально сложной репрезентационной структуры, объективируемой в медиадискурсе.

Материалы и методы исследования

Материалом для исследования послужил виртуальный корпус NOW (News on the Web, <https://www.english-corpora.org/now/>). На его основе был сформирован исследовательский корпус, содержащий 101 текст (149 925 слов), извлеченный из англоязычной качественной прессы по ключевому запросу *information war* в период 01.01.2010—11.10.2019. В работе используются когнитивно-дискурсивный метод, корпусно-опосредованный метод и метод моделирования.

Лингвистика начала XXI в. ставит вопросы обусловленности ментально-языковых явлений социальными практиками. На этом фоне когнитивно-дискурсивный метод позволяет сконцентрировать внимание на координации ментальных, коммуникативных и языковых факторов в медиадискурсе и их роли в процессах миромоделирования.

Медиадискурс представляет собой «укрупненный» лингвистический контекст, который должен

анализироваться с учетом требований современной парадигмы, то есть в синтезе когнитивных и коммуникативных факторов. В широком смысле речь идет об исследовании языка в действии на фоне социального контекста, в узком — об особенностях функционирования ментально-языковой структуры ИПВ в медиакоммуникации.

Поскольку ИПВ регулярно объективируется в тематически объединенных медийных текстах в целях когнитивного воздействия на реципиентов, избранный метод позволяет установить, каким образом «упаковывается» сложная концептуальная структура, а также какова ее роль в идеологической организации медиакоммуникации, адресованной широким кругам зарубежных читателей. Применение когнитивно-дискурсивного метода вместе с тем дает возможность охарактеризовать миромоделирующий и аксиологический потенциал репрезентационной структуры с ориентацией на цели коммуникации.

Корпусный метод в сочетании общенаучным методом моделирования приобретает эвристическую ценность для дискурсологии, усиливая качественный анализ исследуемого материала. Об этом свидетельствуют зарубежные и российские публикации последнего времени [2; 4; 23]. Корпусные технологии «позволяют отслеживать активность функционирования языковых единиц на малом временном отрезке, а также сопоставлять данные разных сегментов англоязычного пространства» [4. С. 35].

Использование названных методов нацелено на реконструкцию концептуально сложной структуры на основе языковой данности, засвидетельствованной не в единичных актах коммуникации, но в широкой совокупности медиатекстов, объединенных тематикой ИПВ. Моделируемый таким образом конструкт позволяет представить специфику когнитивного содержания и сделать выводы об отношениях между его конституирующими элементами — концептами, значимыми для интенционально заданной коммуникации.

Лингвистика информационно-психологической войны на современном этапе развития

Лингвистика ИПВ — направление современного языкознания, объектом которого является использование языка как средства ведения информационного противоборства. Дисциплина зародилась в недрах политической лингвистики [7; 14; 16; 17] и получила системное обоснование в работах ученых

Сибирского федерального университета под руководством профессора А. П. Сковородникова [11; 12]. Хотя терминологическая неоднородность пока остается приметой «молодого» лингвистического направления, которое нуждается в унификации понятий для совершенствования методологического аппарата, интерес отечественных специалистов к проблемам информационной войны продолжает расти [10]. ИПВ в целом трактуется как противоборство сторон, обусловленное конфликтом интересов и/или идеологий, которое осуществляется путем языкового воздействия на сознание людей (отдельной личности, коллектива, народа) для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также посредством защиты от такого воздействия [11. С. 13].

С развитием лингвистики ИПВ углубляются представления о возможных подходах к исследованию информационного противоборства с учетом факторов, имеющих технический, экономический, аксиологический, психологический, медийный, когнитивный характер. За явным разнообразием целей и задач имеющихся публикаций лежит принципиальное единство понимания ИПВ как дискурсивного феномена. Оно отражает согласие ученых относительно того, что информационно-психологическая война имеет преимущественное распространение в дискурсе СМИ [10].

Несмотря на то что специалистами уже сделано много, вопрос языкового воздействия на когнитивные схемы интерпретации действительности остается практически не разработанным. В этой связи ключевым для авторов статьи является взгляд на ИПВ с точки зрения сознательного конструирования медиаменеджерами «особой реальности», или дискурсивного мира, в котором представлены картины фрагментов действительности, способные причинить вред индивидам и группам людей: их имиджу, репутации, коллективной идентичности.

Информационно-психологическая война как явление медиакоммуникации

ИПВ разворачивается преимущественно в медиакоммуникации и ассоциируется с борьбой за власть «определять истинное и ложное», искажением фактов и языковым воздействием на аудиторию [13. С. 19]. ИПВ ведется за общественное сознание и имеет медиадискурсивное измерение. С позиций дискурсологии СМИ рассматриваются как совокупность публикуемых текстов, распространяемых по разным каналам и предназначенных для широкого круга читателей [5]. Как отмечают

Г. А. Копнина, А. П. Сковородников, в СМИ можно почерпнуть информацию о следующих аспектах ИПВ: 1) цели и задачи; 2) объекты и мишени; 3) каналы и используемые жанры как информационно-психологическое оружие; 4) стратегии информационно-психологического нападения; 5) языковые средства; 6) способы противостояния ИПВ [8].

Наряду с названным медиатексты служат источником данных о концептуально сложных репрезентационных структурах, объективируемых в дискурсе, которые систематически конструируются для причинения урона субъекту оппозиции. В нашей терминологии, эта структура называется дискурсивным миром ИПВ.

Дискурсивный мир информационно-психологической войны как репрезентационная структура

Понятие *дискурсивного мира* используется в рамках когнитивно-дискурсивного миромоделирования. Теоретико-методологическое ядро концепции составляют российские и зарубежные работы по когнитивной семантике и дискурсивному анализу [3; 20; 21; 24; 25]. Отстаивается идея о том, что языковое явление должно рассматриваться «на перекрестке когниции и коммуникации» (Е. С. Кубрякова) с учетом содержания и экстралингвистической обусловленности избранной для него формы. Ведущими принципами являются положения об участии языка в моделировании социального взаимодействия в единстве когнитивных, социальных и прагматических факторов [9. С. 299].

Авторы исследования развивают идею о неоднородности концептуального содержания, которое предопределяет многообразие его языковых репрезентаций [3. С. 16]. В рамках структурной типологии выделяются концептуально простые и концептуально сложные единицы знания. Если структура и содержание первых может быть представлена перечнем элементарных признаков (образ, схема, представление, понятие, прототип), то вторые, как отмечает Н. Н. Болдырев, представляют собой структуры интегрированного, многоаспектного нестереотипного знания (категория, когнитивная матрица). Названные единицы являются феноменами общекогнитивного плана — гносеологическими конструктами, которые аккумулируют коллективный опыт и системно представляют концептуальную основу языка и его роль в процессах познания.

При функциональном подходе к концептуальным структурам необходимо отграничивать фено-

мены общекогнитивного и дискурсивного типов. Их общим свойством является то, что объектом концептуализации выступают характеристика, событие или фрагмент действительности. Во втором случае, однако, целью концептуализации является не «накопление знаний о мире, его объектах, событиях, свойствах» путем установления определенных концептуальных характеристик, а *репрезентация* (от англ. *represent* — *представлять, изображать*) фрагмента/фрагментов, создание конкретных смыслов с учетом условий и целей коммуникации. Речь идет об операционных (в терминологии Н. Н. Болдырева) когнитивных структурах, которые конфигурируют знания для ориентации человека в мире. Это контекстуально (ситуативно) заданные репрезентационные структуры дискурсивного уровня. Они генерируются в том или ином типе дискурса в ответ на потребности межличностного и институционального взаимодействия и рассматриваются в связи процессом и результатом миромоделирования. Концептуально сложную структуру дискурсивного типа, подчиненную целям миромоделирования, мы называем дискурсивным миром. Анализ дискурсивного мира связывается нами с изучением прагматически обусловленных механизмов формирования картины мира в реальной коммуникации.

Дискурсивный мир информационно-психологической войны трактуется как репрезентационная структура дискурса, когнитивное содержание которой объективируется в текстах, объединенных в тематическом, коммуникативном и функционально-целевом отношениях [9. С. 87]. Это ментально-языковая структура дискурса, имеющая свою онтологию. Ранее предпринимались попытки ее моделирования и параметризации на основе текстовых данных с целью установления, кого причисляют к субъектам и ключевым акторам информационно-психологической войны, каковы их задачи, какие средства ведения борьбы они используют, а также каким образом происходит структурирование информации о противостоянии оппонентов в дискурсе [12. С. 331—369].

Ключевые концепты в дискурсивном мире ИПВ

Медиаменеджеры создают дискурсивную картину мира, которая дает представление о расстановке сил в глобальной политике и особенностях реализации информационно-психологической войны. С точки зрения концептуального глобального значения дискурсивный мир ИПВ рассматривается

как макроструктура, которая определяется агентами дискурса и интерпретируется реципиентами под воздействием геополитических, социальных, идеологических, национально-культурных и иных факторов. Она выступает областью осуществления лингвоконцептов, формирующих отношение читателей к вопросам информационного противоборства. Выбор концептов, которые регулярно профилируются, или когнитивно выделяются, в пределах дискурсивного мира, отражает важнейшие идеологические установки, определяющие характер миромоделирования. Представляется, что анализ дискурсивного мира ИПВ целесообразно производить с опорой как на формальные, так и на содержательные характеристики.

Формальным параметром установления специфики дискурсивного мира ИПВ может стать географический признак. Положенный в основу, он прогнозирует результаты относительно национально-культурных особенностей репрезентационной структуры. Например, корпус NOW дает возможность создать 20 специальных выборок медиатекстов для исследования англоязычного дискурсивного мира ИПВ в зависимости от страны (Australia, Bangladesh, Canada, Great Britain, Ghana, Hong Kong, Ireland, India, Jamaica, Kenya, Malaysia, New Zealand, Nigeria, Pakistan, Philippines, Singapore, Sri Lanka, South Africa, Tanzania, Unites States). Другим ярким примером формальных показателей являются ключевые лексемы, которые принадлежат к разным частям речи (NOUN, VERB, ADJ, ADV), ключевые словосочетания (N+N, ADJ+N), относительная частота употребления лексемы в исследовательском корпусе (FREQ), количество публикаций, в которых лексема используется (TEXTS), общая

частота употребления лексемы во всем корпусе (ENTIRE CORPUS).

Согласно таблице, представленной ниже, в дискурсивном мире ИПВ регулярно объективируются концепты DISINFORMATION, PROPAGANDA, CYBER, WARFARE, COUP, CONSPIRACY, OUTLET, JOURNALIST, INTELLIGENCE, WAR, именами которых выступают соответствующие лексемы-существительные.

Учитывая многослойность семантики ключевых номинантов, выделим основные референтные блоки, представляющие системный (лексикографически закрепленный) объем знаний о фрагментах действительности, которые конституируют дискурсивный мир ИПВ [19; 22]:

Информация: предназначена для введения в заблуждение, распространяется правительственной организацией в отношении конкурирующей державы или средств массовой информации (DISINFORMATION); часто неточная, которую политическая организация публикует или транслирует с целью воздействия на людей (PROPAGANDA).

Противоборство: война, военные действия, борьба, состояние конкуренции, враждебности между людьми или группами, кампания против нежелательной ситуации или деятельности (WAR); деятельность по ведению войны, насильственная борьба или конфликт (WARFARE).

Действующие лица: журналисты, люди, чья работа состоит в том, чтобы собирать новости и писать о них для газет, журналов, телевидения или радио (JOURNALIST); информационные агентства (OUTLETS).

Средство и канал распространения: компьютерные технологии, Интернет (CYBER).

Лексемы-репрезентанты концептов в дискурсивном мире ИПВ

№	Ключевые лексемы, часть речи — существительное	Относительная частота употребления лексемы в исследовательском корпусе	Количество текстов, в которых лексема используется	Общая частота употребления лексемы во всем корпусе
1	DISINFORMATION	42	17	1447
2	PROPAGANDA	118	42	36 617
3	CYBER	80	16	36 044
4	WARFARE	35	17	24 676
5	COUP	34	13	33 633
6	CONSPIRACY	47	13	50 239
7	OUTLET	69	26	80 602
8	JOURNALIST	188	34	223 695
9	INTELLIGENCE	81	28	148 090
10	WAR	405	89	748 700

Способы борьбы: внезапный, насильственный, незаконный захват власти, переворот (COUP); тайный, преступный сговор, план группы, организации, заговор, умысел, конспирация (CONSPIRACY); сбор информации, имеющей военное или политическое значение, сбор разведывательной информации, разведка (INTELLIGENCE).

Это когнитивные опоры дискурсивного мира, которые дают общее представление о его глобальном концептуальном содержании. Чтобы получить целостную картину взаимодействия концептуальных структур и модификаций концептов в дискурсе об информационно-психологической войне, необходимо переходить к их качественному анализу.

Выделяя ключевые ментальные образования в дискурсивном мире ИПВ при помощи корпусного подхода, мы подчеркиваем значимость динамических признаков концептов в условиях медиакоммуникации. По этой причине охарактеризуем миромоделирующий потенциал занимающего первую в таблице позицию концепта DISINFORMATION через исследование векторов ассоциативно-смыслового развертывания в медиадискурсе.

Миромоделирующий потенциал концепта мы определяем как способность когнитивной единицы транслировать дискурсивно востребованные смыслы — идеологические, аксиологические, коммуникативно-прагматические и иные установки — в процессах реализации в медиатекстах. Методика анализа миромоделирующего потенциала концепта изложена в наших прежних работах [9. С. 158—167]. Она направлена на обнаружение корреляций между признаками, формирующими системный потенциал концепта, и их актуализацией в дискурсе, а также установление приобретенных признаков концепта в результате его функционирования в текстовом континууме. Анализ производится по параметрам семиотической плотности, особенностей линейной реализации, образно-оценочных и ценностный репрезентаций, а также представлений, связанных с концептом.

Опора на словарные дефиниции позволяет исследовать парадигматические связи имен концепта и представить перечень его системных (статических) признаков. DISINFORMATION: 1. *False information which is intended to mislead, especially propaganda issued by a government organization to a rival power or the media.* [22]. 2. *False information deliberately and often covertly spread (as by the planting of rumors) in order to influence public opinion or obscure the truth* [<https://www.merriam-webster.com/dictionary/disinformation>]. Статические признаки

концепта: ложная информация, умышленно распространяемая, вводящая в заблуждение, пропаганда, от государственных органов, в адрес державы-соперника, СМИ, влияние на общественное мнение, сокрытие правды.

Семиотическая плотность концепта определяется через базовые репрезентанты концепта в медиадискурсе: *disinformation, disinformation campaign, misinformation, false information, questionable information*. Особенности линейной реализации выявляются посредством анализа синтагматических отношений имен концепта. Он позволяет установить основные векторы ассоциативно-смыслового развертывания, то есть связи, в которые вовлечена концептуальная структура как элемент дискурсивного мира ИПВ. Для иллюстрации основных положений мы приводим контексты, извлеченные из американской качественной газеты The Washington Post за 2019 г.

Дезинформация представляет серьезную опасность для США. Одна из причин — ее беспрепятственное распространение. Ср.: *disinformation can spread so easily*. Это сила, способная нанести большой ущерб, которая подрывает веру американцев в политическую систему. Ср.: *disinformation that undermines our faith in our political system*. Дезинформация и шпионаж захватили коллективное сознание (американских граждан). Ср.: *Not since the 1980s have espionage and disinformation so captivated our collective mind*. Вместе с фейковыми новостями дезинформация способна разрушить основы свободного общества, которые старательно складывались в стране в течение столетий. Ср.: *the makers of disinformation and «fake news» will easily abuse our passions for their benefit, and we will allow them to undermine the free society we have painstakingly built over the past few centuries*. Требуется защита от дезинформации. Ср.: *how do we defend ourselves against disinformation*. Либеральной демократии нужно располагать средствами противостояния. Ср.: *Every individual in a liberal democracy possesses the tools to counter disinformation*.

Образные и аксиологические характеристики концепта проявляются на уровне используемых метафорических средств. Россия названа непримиримым противником Америки в «холодной войне» и виновником самых противоречивых кампаний дезинформации. Ср.: *After all, Russia, America's Cold War nemesis, is considered the primary culprit in today's most controversial disinformation campaigns*. Семантика лексемы *nemesis*, имеющей значения «a situation, event, or person which

causes them to be seriously harmed, especially as a punishment» [22]. Ситуация, событие или личность, которая причиняет субъекту серьезный вред, особенно в качестве наказания, а также *«retributive justice»* — карающее правосудие, демонстрируют негативную эмоционально-оценочную коннотативную специфику. Она усиливается в контексте актуализации значения лексемы *culprit* — *«a person who is responsible for a crime or other misdeed»* (лицо, которое несет ответственность за преступление или иное правонарушение). Неодобрительные оценочные семы способствуют формированию у читателей когнитивно-чувственного восприятия дезинформации в тесной связи с «холодной войной» и нелегитимной деятельностью России.

Криминальные метафоры используются наряду с морбиальными. Параллель с болезнью усиливает негативизацию дезинформации, для которой нужна вакцина, чтобы активизировать иммунитет общества в школах, колледжах, университетах. Ср.: *...the humanities can play a critical role in creating a modern disinformation vaccine. Schools, colleges and universities should spend more time educating future generations on the complexity of society and the various ideas and interests that shape the information we consume.*

Фактуальная информация, складывающаяся представление о дезинформации, включает сведения из истории, куда уходят корни информационной войны. Ср.: *Yet our media landscape, the breeding and feeding ground of questionable information, also has many similarities to the 18th century. The information wars of this earlier period not only provide perspective — they also provide a solution to the political divisions that disinformation campaigns seek to exploit.* Подчеркивается, что медийный ландшафт был питательной средой для распространения сомнительной информации уже в XVIII столетии. Информационные войны трехвековой давности задают перспективу и обеспечивают решение политических разногласий, которые используют кампании дезинформации в настоящее время.

Очевидно, что в условиях дискурсивной актуализации концепт наращивает часть признаков объема, которая будет варьироваться в зависимости от широкого спектра контекстуальных факторов, имеющих геополитический, социальный, идеологический, психологический, культурно-языковой характер.

Заключение

Усиление деструктивного влияния в условиях тотальной медиатизации делает насущным решение проблемы защиты национальных интересов в информационной сфере. На этом фоне стремления филологов направлены на выработку лингвистических основ противодействия информационным угрозам.

Предложенная в статье теоретико-методологическая рамка демонстрирует возможности применения когнитивно-дискурсивного подхода в сочетании с корпусным методом и методом моделирования. Доказывается, что симбиоз трех позволяет сочетать количественный анализ, основанный на данных корпуса, с качественным для выявления объемной специфики дискурсивного мира ИПВ как концептуально-сложной репрезентационной структуры.

Произведен анализ одного значимого элемента дискурсивного мира ИПВ. Он позволяет заключить, что в американской журналистике информационное сопротивление тесно ассоциируется с проблемами распространения недостоверной информации, исходящей от главного политического оппонента США — России. Миромоделирующий потенциал концепта DISINFORMATION реализуется системой дискурсивно обусловленных векторов смысловой динамики в следующих разновидностях: *disinformation* → *espionage*; *disinformation* → *fake news*; *disinformation* → *history*; *disinformation* → *Cold War*; *disinformation* → *Russia*.

Представляется, что сочетание эвристических когнитивно-дискурсивного и корпусного подхода к изучению ментально-языковых феноменов в дискурсе может оказаться перспективным для дальнейшего развития лингвистики информационно-психологической войны.

Список литературы

1. Бернацкая А. А. Симптомы информационно-психологической войны, или чем пахнет покинутая родина (на материале романа М. П. Шишкина «Венерин волос») // Экология языка и коммуникативная практика. № 1 (6). 2016. С. 239—258.
2. Богоявленская Ю. В. Репрезентативность лингвистического корпуса: метод верификации достоверности полученных данных // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 163—166.

3. Болдырев Н. Н. Типология концептов и языковая интерпретация // Новая Россия: традиции и инновации в языке: материалы междунар. науч. конф. (28—30 сент. 2016 г.). Екатеринбург, 2016. С. 16—25.
4. Борискина О. О., Шилихина К. М. Корпусные исследования политического дискурса в лингвистике // Политическая наука. 2017. № 2. С. 30—53.
5. Высоцкая И. В., Петрова Н. Е. К проблеме периодизации языка современных российских СМИ // Вопросы журналистики. № 3. 2018. С. 36—47.
6. Гаврилов Л. А. Политический дискурс в условиях информационно-психологической войны // Экология языка и коммуникативная практика. № 2. 2018. С. 89—98.
7. Иванова С. В. Лингвистическая ресурсная база информационной войны: создание эффекта демонизации // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 28—37.
8. Копнина Г. А., Сквородников А. П. Газетно-публицистические тексты как источник информации о технологии ведения современной информационно-психологической войны // Экология языка и коммуникативная практика. № 1 (8). 2017. С. 170—181. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2017/05/Kopnina-G.A.-Skovorodnikov-A.P..pdf>.
9. Кушнерук С. Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование: опыт сопоставительного исследования рекламной коммуникации. М.: ФЛИНТА, 2019. 368 с.
10. Кушнерук С. Л., Чудинов А. П. Развитие лингвистики информационно-психологической войны: методологическая неоднородность и первые результаты // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 4, ч. 1. С. 105—118. URL: <http://discourseworld.ru>.
11. Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Кн. I. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 340 с.
12. Бернацкая А. А., Гаврилов Л. А., Жилина В. А. [и др.]. Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Кн. 2 / под ред. проф. А. П. Сквородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2019. 488 с.
13. Асташова О. И., Булатова Э. В., Енина Л. В. [и др.]. Проблемы конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война»: монография / под ред. Э. В. Чепкиной. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. 196 с.
14. Синельникова Л. Н. Информационная война ad infinitum: украинский вектор // Политическая лингвистика. № 2 (48). 2014. С. 95—101.
15. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Президент России [Официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460>.
16. Чудинов А. П. Понятийно-терминологический аппарат политической лингвистики // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 26—28 авг. 2014 г. Екатеринбург, 2014. С. 269—270.
17. Чудинов А. П. Когнитивная наука — когнитивные науки — федерация когнитивных наук (из истории российской когнитивной лингвистики) // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1 (42). 2015. С. 117—121.
18. Шулежкова С. Г. Образ России на фоне цветных революций и Крымской весны в информационной войне начала XXI века // Образ России и условиях информационной войны конца XX — начала XXI века. Тенденции обновления политического дискурса: материалы междунар. науч. конф. Магнитогорск, 23—25 нояб. 2017 г. Магнитогорск, 2017. С. 254—266.
19. Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary. New Digital Edition 2008. URL: <https://www.abyy.com/ru-ru/>.
20. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994. 240 p.
21. Gavins J. The Text World Theory: An Introduction. Edinburgh Univ. Press, 2007. 193 p.
22. Oxford Dictionary of English 2006. URL: <https://www.abyy.com/ru-ru/>.
23. Qaiwer S. N. A Corpus-based discourse study of identity construction in political discourse // International Journal of Language Academy. 2019. Vol. 7/2. June. P. 410—432.
24. Werth P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse. London: Longman, 1999. 390 p.
25. World Building: Discourse in the Mind / ed. by J. Gavins, E. Lahey. Bloomsbury, 2016. 296 p.

Сведения об авторах

Кушнерук Светлана Леонидовна — доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, профессор кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. Svetlana_kush@mail.ru

Курочкина Мария Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск, Россия. kma1974@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 7 (441). *Philology Sciences. Iss. 121. Pp. 97—105.*

INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL WAR IN THE MEDIA: A DISCOURSE ANALYST'S PERSPECTIVE

S. L. Kushneruk

*South-Ural State Humanitarian Pedagogical University,
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. Svetlana_kush@mail.ru*

M. A. Kurochkina

South-Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia. kma1974@yandex.ru

The article is written within the research work on the topic «World-modelling in media discourse against the backdrop of global challenges: cognitive, pragmatic and ideological aspects» (research contract of 01.06.2020, № 16—298, contract owner Mordovian state pedagogical institute named after M. E. Evseviev). In the paper, information and psychological war is considered as a phenomenon of media communication. The material for the study includes 101 texts, retrieved from the English language quality press, covering the period 01.01.2010—11.10.2019. It is argued that cognitive-discursive method proves adequate for the purpose of analyzing a complex nature of information confrontation, textualized in the media. The notion of discourse-world of information war is introduced to define a representational macrostructure in the discourse of the American mass media. Key concepts constituting the macrostructure of the discourse-world are systematized: DISINFORMATION, PROPAGANDA, CYBER, WARFARE, COUP, CONSPIRACY, OUTLET, JOURNALIST, INTELLIGENCE, WAR. The notion of world-modeling potential of the concept is introduced. On the example of DISINFORMATION, it is shown that parameters of semiotic density, syntagmatic relations, evaluative representations, and factual information specify it in the media discourse. The results may encourage further development of the theory of the language of information war.

Keywords: *information and psychological war, information war, cognitive-discursive approach, world-modelling, discourse-world, media linguistics*

References

1. Bernackaja A. A. (2016) *Jekologija jazyka i komunikativnaja praktika*, no. 1 (6), pp. 239—258 [in Russ.].
2. Bogojavlenskaja Ju. V. (2016) *Politicheskaja lingvistika*, no. 4 (58), pp. 163—166 [in Russ.].
3. Boldyrev N. N. (2016) Tipologija konceptov i jazykovaja interpretacija. Novaja Rossija: tradicii i innovacii v jazyke: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (28—30 sentjabrja 2016 g.). Ekaterinburg. Pp. 16—25 [in Russ.].
4. Boriskina O. O., Shilihina K. M. (2017) *Korpusnye issledovanija politicheskogo diskursa v lingvistike. Politicheskaja nauka*, no. 2, pp. 30—53 [in Russ.].
5. Vysockaja I. V., Petrova N. E. (2018) *Voprosy zhurnalistiki*, no. 3, pp. 36—47 [in Russ.].
6. Gavrilov L. A. (2018) *Jekologija jazyka i komunikativnaja praktika*, no. 2, pp. 89—98 [in Russ.].
7. Ivanova, S. V. (2016) *Politicheskaja lingvistika*, no. 5 (59), pp. 28—37 [in Russ.].
8. Kopnina G. A., Skovorodnikov A. P. (2017) *Jekologija jazyka i komunikativnaja praktika*, no. 1 (8), pp. 170—181. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2017/05/Kopnina-G.A.-Skovorodnikov-A.P.pdf> [in Russ.].

9. Kushneruk S. L. (2019) Kognitivno-diskursivnoe miromodelirovanie: opyt sopostavitel'nogo issledovanija reklamnoj kommunikacii. Moscow, Flinta. 368 p. [in Russ.].
10. Kushneruk S. L., Chudinov A. P. (2019) Jekologija jazyka i kommunikativnaja praktika, no. 4. pt. 1, pp. 105—118. URL: <http://discourseworld.ru> [in Russ.].
11. Bernackaja A. A., Gavrilov L. A., Zhilina V. A. [et al.], Skovorodnikov A. P. (ed.). (2017) Lingvistika informacionno-psihologicheskoy vojny: monografija. Kniga 1. Krasnoyarsk. 340 p. [in Russ.].
12. Bernackaja A. A., Gavrilov L. A., Zhilina V. A. [et al.], Skovorodnikov A. P. (ed.). (2019) Lingvistika informacionno-psihologicheskoy vojny: monografija. Kniga 2. Krasnoyarsk. 488 p. [in Russ.].
13. Astashova O. I., Bulatova Je. V., Enina L. V. [et al.], Chepkin Je. V. (ed.). (2017) Problemy konstruirovaniya identichnosti rossijan v diskurse SMI pod vlijaniem koncepta «informacionnaja vojna»: monografija. Moscow; Ekaterinburg. 196 p. [in Russ.].
14. Sinelnikova L. N. (2014) *Politicheskaja lingvistika*, no. 2 (48), pp. 95—101 [in Russ.].
15. Ukaz 2016: Ukaz Prezidenta RF ot 05.12.2016 № 646 «Ob utverzhdenii Doktriny informacionnoï bezopasnosti Rossyskoy Federacii». Prezident Rossii. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> [in Russ.].
16. Chudinov A. P. (2014) Ponjatijno-terminologicheskij apparat politicheskoy lingvistiki. Politicheskaja kommunikacija: perspektivy razvitija nauchnogo napravlenija: materialy Mezhdunar. nauchn. konf. Ekaterinburg, 26—28 avgusta 2014 g. Ekaterinburg. P. 269—270 [in Russ.].
17. Chudinov A. P. (2015) *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, no. 1 (42), pp. 117—121 [in Russ.].
18. Shulezhkova S. G. (2017) Obraz Rossii na fone cvetnyh revoljucij i Krymskoj vesny v informacionnoj vojne nachala XXI veka. Obraz Rossii i uslovijah informacionnoj vojny konca XX — nachala XXI veka. Tendencii obnovlenija politicheskogo diskursa: materialy mezhdunar. nauch. konf. Magnitogorsk, 23—25 nojabrja 2017 g. Magnitogorsk. Pp. 254—266 [in Russ.].
19. Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary. New Digital Edition 2008. URL: <https://www.abyy.com/ru-ru/>.
20. Fauconnier G. (1994) *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 240 p.
21. Gavins J. (2007) *The Text World Theory: An Introduction*. Edinburgh Univ. Press. 193 p.
22. (2006) *Oxford Dictionary of English*. URL: <https://www.abyy.com/ru-ru/>.
23. Qaiwer S. N. A (2019) *International Journal of Language Academy*, vol. 7/2, June, pp. 410—432.
24. Werth P. (1999) *Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse*. London: Longman. 390 p.
25. Gavins J. & Lahey E. (eds.) (2016) *World Building: Discourse in the Mind*. Bloomsbury. 296 p.